

Н. В. Лукьянчикова

**«Онегинская» тема в произведениях ярославских писателей второй половины XIX в.
(на материале поэмы Ю. В. Жадовской «Посещение» и повести М. П. Чехова «Синий чулок»)**

В статье рассматривается, как в произведениях региональной литературы проявилось «онегинское» влияние при создании образа главной героини.

Ключевые слова: литературный контекст, литературная традиция, женские образы в русской литературе, баллада, полемический роман.

N. V. Lukiyanchikova

"Onegin" Theme in Works by Yaroslavl Writers of the second half of the XIX century (on the material of the poem by Yu.V. Zhadovskaya "Visit" and M. P. Chekhov's story "The Dark Blue Stocking")

In the article it is considered how in works of regional literature "Onegin" influence in creation of the image of the main character was presented.

Keywords: literary context, a literary tradition, female images in the Russian literature, a ballad, a polemic novel.

Существует немало научных исследований, авторы которых изучают влияние, которое оказал пушкинский роман «Евгений Онегин» на последующее развитие русской литературы, сформировав новые представления о жанровой специфике романного текста, о сюжете автора, о системе образов, о логике сюжета и т. д. Следы «онегинского» присутствия находим в наиболее значимых произведениях авторов второй половины XIX в. (например, в романах И. С. Тургенева). В нашей статье попытаемся выявить характер «онегинского» влияния на произведения ярославских писателей Ю. В. Жадовской и М. П. Чехова.

Имя Ю. В. Жадовской и ее трагическая судьба хорошо известны каждому интересующемуся литературой и культурой Ярославского края. В связи с романом «Евгений Онегин» необходимо рассмотреть поэму «Посещение», до сих пор практически не входившую в круг интересов литературоведов (при том, что в последнее десятилетие творчеством Жадовской занимаются не только ярославские и костромские исследователи, но и литературоведы из Твери, Пензы и других университетских городов России).

Читая лирические и лиро-эпические произведения Ю. В. Жадовской, понимаем, насколько сильное влияние на становление художественного мира поэтессы оказали фольклорные традиции, а в поэме «Посещение» особенно отчетливыми являются черты «онегинского» присутствия. Заметно, что судьба Татьяны, ее верность юношеской любви, чувство долга, нравственная чистота очень близки Ю. В. Жадовской. Мы не будем в данной статье останавливаться на биографических причинах такого интереса, полагая, что они известны. Юлия Жадовская рассказывает историю, в которой присутствуют «признаки» онегинской истории: любовь, о которой героиня рассказывает в своем письме («Я гибла, не видя отрады, / Не видя спасенья ни в чем...»; «Приди! Я давно ожидаю / С безумной надеждой тебя. / Приди же! на все я готова, / С тобою повсюду пойду, / Спаси, пока есть еще время!..» [1] – письмо очень напряженно, отчаянно, но содержательно похоже на признания Татьяны, напоминает мечты Татьяны и об Онегине-спасителе и ее готовность «погибнуть» – вспомним: «Но гибель от него любезна...» [3]); факт, что письмо, адресованное любимому, оказывается у автора («Но

это письмо захотите, / Быть может, вы сами прочесть? / Оно перед вами...» [1]); расставание героев, отъезд молодого человека, появление у героини жениха-генерала, за которого она выходит замуж, поддаваясь просьбам близких («Жених ее скоро приедет... Немолод, зато генерал!»; «Явился жених мне богатый, / С холодным и резким лицом.../ Просили меня, умоляли, / И мы поменялись кольцом» [1] – вспомним, как о своем замужестве рассказывает Татьяна в романе «Евгений Онегин»: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать. Для бедной Тани / Все были жребии равны...» [3]). Ю. В. Жадовская, очевидно, ориентируясь на жанровые особенности баллады, для которой свойственны фрагментарность изложения, драматизация повествования, по-своему трансформирует пушкинский сюжет, фиксируясь на важных для себя, своего внутреннего мира моментах (подчеркнутое изображение страданий героини от несчастной любви, безнадежность и трагичность финала, мысль о разрушенной жизни обоих любящих, в которой без любви уже нет смысла, отчаяние).

Естественно, что в поэме Жадовской нет места изображению противоречий жизни, многогранным динамичным образам, многосюжетности, иронии, сюжету автора и еще многому, что делает роман А. С. Пушкина вершиной русской литературы. Ю. В. Жадовской важно другое: показать, как невыносимо тяжело человеку без любви. «Посещение» отличается балладной фрагментарностью изложения, поэтесса фиксирует только наиболее значимые, с ее точки зрения, моменты в развитии действия (посещение дома любимого человека в отсутствие хозяев, написание письма с объяснением в любви, замужество героини, расставание навсегда). Все остальные звенья истории (первая встреча, личное объяснение, причины расставания, характер общения героев и т. д.) поэтессой не использованы и, как это принято в балладах, окутаны атмосферой тайны.

Таинственность происходящего подчеркнута в произведении: тайной окутано появление героя у домика героини («В тот вечер по улице мрачной / Один пешеход проходил; / Высок он был, молод и статен / И, видно, куда-то спешил...» [1]), таинственны причины, по которым герой вынуж-

ден уехать, атмосфера тайны усилена повторяющимся изображением мрачной осенней природы («А небо осеннее тмилось, / И ветер ставнями стучал / И желтые листья деревьев – / Последние листья срывал» [1]). Интересно, как трансформируются образы главных героев в «Посещении»: естественно, что для создания мрачного, меланхолического повествования образы гармоничной Татьяны или денди Онегина не подходят, поэтому в поэме Жадовской мы наблюдаем своеобразное «слияние» образов (не параллельное развитие линий Онегин – Татьяна и Ленский – Ольга, а как будто заимствование одними типологических черт у других). Так главный герой – по замыслу Ю. В. Жадовской, «онегинский» тип – тем не менее, внешне очень похож на Ленского («И черные кудри лежали / Густою волною до плеч» [1]), зовут его Владимир, а героиню – хотя и задумчивую, мечтательную, как и Татьяна любительницу книг – зовут ...Ольга!

Что касается других героев «Посещения», то в поэме есть многофункциональный «слуга престарелый», в образе которого «собираются» няня Татьяны (с которой героиня говорит о любви) и ключница в доме Онегина Анисья (показавшая Татьяне кабинет и книги героя), да заодно и нянин внук (который, как помним, доставил письмо героини по назначению). Такая скупость системы образов в «Посещении» объясняется тем, что перед Ю. В. Жадовской не стоит задача изобразить гармоничный, упорядоченный пушкинский мир, ее цель – нарисовать неизбывное страдание, исключительно переживание. И вот еще что важно отметить в произведении Ю. В. Жадовской: для поэтессы важно использовать все возможности показать мир именно героини, герой совершенно отчетливо отходит на второй план, так как у Жадовской не героиня приходит в дом любимого, где перед ней открываются новые стороны его души, где она «находит слово», объясняющее героя, в «Посещении» Владимир приходит в пустой дом Ольги, чтобы еще раз взглянуть с «волнением и тайной тоской» на место, хранящее память о любимой девушке.

История Татьяны, специфически преломленная в «Посещении», позволяет углубить представление о поэтическом мире Ю. В. Жадовской.

Посмотрим, как проявляется «онегинское» влияние при создании образа героини в повести М. П. Чехова «Синий чулок».

М. П. Чехов несколько лет жил в Угличе и в Ярославле, здешние впечатления нашли отражение в рассказах («Интрига», «От скуки», «По совести» и др.), где прозаик изображает провинциальные нравы и быт. Но не только пошлость и серость окружающей жизни волновали Чехова, многие произведения он посвятил поиску человека, способного подняться над скукой и мерзостью провинциальных буден. Одна из таких героинь – Софья Игнатьева, молодая дворянка, пережившая несчастную любовь (повесть «Синий чулок»). Избранник Софьи – Заречный – испугался силы чувства, с которым ему пришлось столкнуться, и ответственности за судьбу любящей девушки. В одной из статей, посвященных творчеству М. П. Чехова [2], мы старались последовательно рассмотреть специфику эволюции образа женщины-нигилистки в полемическом романе второй половины XIX в., сопоставляли Софью Игнатьеву с героинями русских полемических романов (И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Н. Г. Чернышевского и др.). Определяя основные позиции, характеризующие женские образы полемических романов (как нигилистической, так и антинигилистической разновидности), отмечаем, что в жизни Софьи Игнатьевой был и разрыв с семьей, и отсутствие возможности реализовать себя в традиционных женских ролях (дочери, жены, матери), героиня стремилась проявить себя в общественной жизни, в сфере важнейшей профессиональной деятельности (медицина, акушерство); на Софью, как и на других героинь полемических романов, оказал влияние традиционный для таких произведений персонаж – мужчина, играющий роль учителя, духовного руководителя, наставника.

Тем не менее, образ Софьи Игнатьевой не укладывается в основные модели образа женщины-отрицательницы, женщины-нигилистки, которым соответствовали другие рассмотренные нами героини. В итоге мы пришли к выводу, что образ Софьи Михайловны Игнатьевой – это вариант реализации нового типа женщины-нигилистки, который формируется в конце XIX в. Данное явление мы назвали «временным» нигилизмом.

Ломая в своей душе, отрицая традиционные ценности, наша героиня подспудно к ним же и продолжает стремиться, к ним возвращается, в них находит смысл жизни. Рассмотрим, каким образом М. П. Чехову удается среди атмосферы отрицания показать, что вечное сохраняется в душе Софьи.

Специфика осмысления М. П. Чеховым образа женщины-эмансипе заключается в том, что в продолжение всей повести автор настойчиво и последовательно проводит героиню по пути Татьяны Лариной. Реализация сюжета, опирающегося на сюжет пушкинского романа в стихах, очевидна и подчеркивается автором: героиня – девушка, не похожая на других, живет в сельской усадьбе, влюбляется в молодого человека, так же, как и она, чувствующего себя чужим среди окружающих, первая признается ему в любви. В ответ Заречный, которого страшат сильные чувства, покидает Софью, а заодно и деревню. «Татьянин сюжет» подтверждается множеством любопытных совпадений, например, мечта девушки о явлении идеального возлюбленного: «Ты в сновиденьях мне являлся...» [3, с. 96] – «она мечтала о нем среди ночей...» [4, с. 120]; сплетни соседей, прочитавших «Татьяне... жениха» [3, с. 82] едва она познакомилась с Онегиным – попытки соседей во что бы то ни стало обеспечить в лице Заречного жениха Софье (к нему явилась соседка, говорившая о прелестях женатой жизни, «было похоже, что ее подослали...» [4, с. 126]); признание героини в любви и объяснение-отповедь героев (конечно, в саду, где слышны песни крестьянских девушек), затем – расставание. При этом и Онегин, и Заречный прекрасно понимают, с какой необыкновенной девушкой свела судьба каждого из них, однако Онегин утверждает, что он «не создан для блаженства» [3, с. 108], а Заречный «вскочил, засуетился... засобирился домой» [4, с. 122].

Отъезд Софьи в Москву, кажется, может свидетельствовать о намерении автора продолжать историю «новой Татьяны», и хотя дальнейшая жизнь Игнатьевой складывается в духе героинь полемических романов второй половины XIX в., но в «московских главах» мы отмечаем детали, так или иначе заставляющие о пушкинской Татьяне вспомнить: ощущение героиней тесноты и

суеты московской жизни по сравнению с деревенскими просторами и свободой, тоска по светлой девичьей комнатке в их сельской усадьбе, воспоминания о няне и т. д.

Таким образом, ориентация на роман А. С. Пушкина еще раз дает возможность М. П. Чехову убедиться в важности таких ценностей, как любовь, верность, долг. Хотя для нас, читателей, идеальная пушкинская Татьяна остается героиней, к которой «дамы придвигались ближе, / Старушки улыбались ей, / Мужчины кланялись ниже...», а она при этом оставалась «нетороплива, не холодна, не говорлива... все тихо, просто было в ней» [3], хотя нам трудно представить Татьяну «безумно» рыдающей у темного окна Ольгой («Посещение» Ю. В. Жадовской) или мечущейся в тифозном бреде Софьей, выгнанной братом из дома и обобранной почти до нитки, посещающей акушерские курсы («Синий чулок» М. П. Чехова). И Жадовская, и Чехов убеждают, что Татьяна должна продолжать жить в душе каждой «стриженной девушки», сохраняя присущие ей вечные духовно-нравственные идеалы.

Библиографический список

1. Жадовская, Ю. В. Посещение [Текст] / Ю. В. Жадовская // Русские поэтессы XIX века / сост. Н. В. Банников. – М., Сов. Россия, 1979.
2. Лукьянчикова, Н. В. Проблема женского нигилизма в повести М. П. Чехова «Синий чулок» [Текст] / Н. В. Лукьянчикова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3.
3. Пушкин, А. С. Евгений Онегин [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1984.
4. Чехов, М. П. Синий чулок [Текст] / М. П. Чехов // Чехов М. П. Свирель. – М.: Московский рабочий, 1986.

Bibliograficheski j spisok

1. Zhadovskaya, YU. V. Poseshcheniye [Tekst] / YU. V. Zhadovskaya // Russkiye poetessy XIX veka / sost. N. V. Bannikov. – M., Sov. Rossiya, 1979.
2. Luk'yanchikova, N. V. Problema zhenskogo nigilizma v povesti M. P. Chekhova «Siniy chulok» [Tekst] / N. V. Luk'yanchikova // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. – 2012. – № 3.
3. Pushkin, A. S. Yevgeniy Onegin [Tekst] / A. S. Pushkin. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1984.
4. Chekhov, M. P. Siniy chulok [Tekst] / M. P. Chekhov // Chekhov M. P. Svirel'. – M.: Moskovskiy rabochiy, 1986.